

В.Н. Панов

**300 избранных партий
Алехина**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 379.8
ББК 77
В11

В.Н. Панов
В11 300 избранных партий Алехина / В.Н. Панов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 638 с.

ISBN 978-5-458-26789-2

В книге собраны 300 лучших партий Алехина сыгранных в период с 1907 по 1945 год. Александр Алехин давно завоевал репутацию не только гениального практика, но и лучшего шахматного литератора-теоретика первой половины XX века. Партии Алехина, представляющие собой блестящие образцы шахматного творчества, снабжены его подробными примечаниями, в которых он раскрывает читателю основные идеи примененного дебюта, свои вкусы, стратегические и тактические мотивы середины игры и дает четкий лаконичный анализ получающихся окончаний.

ISBN 978-5-458-26789-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

рованном училище правоведения. В погоне за шахматными успехами на международной арене Алехин эмигрировал из родной страны и в результате в дальнейшем не раз был игрушкой в руках капиталистических авантюристов.

Покинув родину, Алехин бесславно кончил свою жизнь. Морально опустошенный, разбитый болезнью, чемпион мира скончался за шахматной доской в нищете и одиночестве, вдали от отечества, взрастившего его.

ПЕРВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

Со школьных лет Алехин много и упорно работает над своим шахматным совершенствованием. Он читает шахматную литературу, изучает творчество М. И. Чигорина, много играет по переписке и в домашнем кружке любителей шахматной игры, привлекая несколько сильных московских перворазрядников.

Напряженные занятия теорией и практикой шахматного искусства быстро дают свои результаты. В 1908 г. пятнадцатилетний Алехин выступает на турнире любителей в Дюссельдорфе и, набирая 9 очков из 13, делит четвертое и пятое места с неким Бушем. Там же со счетом $+4-0=1$ он выигрывает небольшой матч у опытного немецкого мастера Барделебена.

Осенью того же года Алехин выходит победителем со счетом $+4-0=1$ в матче с сильным русским мастером Б. М. Блюменфельдом и занимает первое место в турнире московских шахматистов первого разряда.

В следующем, 1909 г., шестнадцатилетний Алехин блестяще завоевывает первое место во всероссийском турнире любителей и получает звание мастера.

В 1910 г. Алехин впервые выступил в международном турнире мастеров в Гамбурге, в котором добился почетного результата, поделив седьмое-восьмое места с Дуз-Хотимирским. Следующие годы выступлений Алехина на международной и отечественной шахматной арене неизменно приносят ему успех и шлифуют его стремительно развивающийся талант.

Победами на небольших международных турнирах в Стокгольме в 1912 г. и в Шевенингене в 1913 г. начинается ряд блестящих успехов Алехина. В течение 32 лет он неизменно добивается крупных побед, до самой смерти сохранив почетное звание чемпиона мира — первый случай в истории шахмат!

В 1914 г. Алехин вместе с Нимцовичем делит первое-второе места во всероссийском турнире мастеров и завоевывает право участия в петербургском международном турнире 1914 г., на который были приглашены сильнейшие шахматисты того времени: чемпион мира Ласкер, будущий чемпион мира Капабланка, гроссмейстеры Рубинштейн, Тарраш, Нимцович, Маршалл, Яновский и другие.

В среде этих опытных и самоуверенных чемпионов юный русский мастер расценивался как интересный, но вряд ли опасный противник. Однако Алехин, несмотря на большую добавочную нагрузку, которую он имел во время турнира, сдавая выпускные экзамены в училище правоведения, провел это труднейшее соревнование с большим подъемом и добился крупного успеха. Он занял в нем третье место, пропустив впереди себя лишь Ласкера и Капабланку. Особенно хорошего результата Алехин достиг против чемпиона Германии Тарраша и чемпиона США Маршалла, набрав против каждого в трех сыгранных партиях по $2\frac{1}{2}$ очка. Успех в этом выдающемся турнире сразу выдвинул Алехина в число сильнейших шахматистов мира.

Уже тогда, на заре своей славы и творческого расцвета, Алехин поставил перед собой задачу добиться мирового первенства, к которому он стремился упорно и продуманно. Вот что вспоминает П. А. Романовский о своем разговоре с Алехиным накануне открытия международного турнира в Мангейме в августе 1914 г.

«В Мангейме был организован большой международный турнир. В числе приглашенных к участию в нем были и Алехин с Капабланкой. До самого последнего времени Алехин, однако, не давал утвердительного ответа на посланное ему приглашение. Наконец, он приехал буквально за два часа до начала первого тура. На мой вопрос, почему он так долго держал в неведении турнирный комитет, Алехин ответил, что ему необходимо было выяснить, будет ли участвовать в турнире Капабланка. «Дело в том,— пояснил Алехин свою мысль,— что я готов был играть лишь в случае неучастия Капабланки». «Почему?»— удивился я. Тут Алехин откровенно признался мне, что он через несколько лет собирается играть матч на звание чемпиона мира и ему поэтому важно создать вокруг этого вопроса определенное общественное мнение. «Сегодня я играю еще слабее Капабланки,— сказал Алехин,— и в этом турнире он взял бы первый приз, а становиться сейчас ниже Капабланки совершенно не в моих интересах». «Но ведь чемпион мира-то Ласкер»,— возразил я. «Но скоро им будет Капабланка»,— ответил Алехин».

Мангеймский международный турнир незадолго до конца был прерван вспыхнувшей мировой войной, но по набранному

к этому моменту количеству очков победителем турнира явился Алехин, который и получил первый приз.

Русских участников турнира, в том числе и Алехина, интернировали. Вскоре Алехину удалось вырваться из плена, и он вернулся в Россию.

АЛЕХИН В ПЕРИОД 1914—1921 гг.

Первую мировую войну Алехин, освобожденный от строевой службы по болезни сердца, провел на фронте в качестве начальника летучего отряда Красного Креста. За доблесть и отвагу он трижды был представлен к награде. Военно-санитарную службу Алехина прервала тяжелая контузия, на несколько месяцев приковавшая его к постели. В это тяжелое время молодой мастер не расставался с шахматами. Находясь на излечении в Тарнопольском госпитале, он играл вслепую в сеансах с местными шахматистами.

Февральская революция, а затем Великая Октябрьская социалистическая революция застали Алехина в Москве демобилизованным. В 1918 г. он оказался в Одессе, где лечился от последствий контузии. Вскоре Одесса очутилась под властью сначала германских интервентов, а затем украинских националистов и белогвардейцев. Мы имеем мало сведений о жизни Алехина в это время. Известно только, что Алехин много играл в шахматы в одесских кафе и в гражданской войне участия не принимал. После освобождения Красной Армией Одессы в начале 1919 г. Алехин вернулся в Москву и стал работать в различных учреждениях.

Алехин имел все возможности трудиться на пользу Советского государства и принимать активное участие в возрождении отечественной шахматной жизни, но стремление к завоеванию мирового первенства не давало ему покоя. Он хотел славы и лавров чемпиона и в начале 1921 г. выехал за границу.

Каково было положение в шахматном мире в это время? Капабланке только что удалось, используя шестилетний отрыв Алехина от международной шахматной арены, первому организовать матч на мировое первенство с Ласкером и стать чемпионом мира.

Зарубежные шахматные историки сбрасывают эти шесть лет со счетов шахматной биографии Алехина, хотя на самом деле они вовсе не были пробелом в его шахматном творчестве. Алехин все время упорно работал над своим шахматным

совершенствованием, насколько, конечно, позволяла обстановка и его военно-санитарная служба. Он анализировал партии своих современников и предшественников, разрабатывал теоретические новинки, в том числе знаменитую «защиту Алехина», явившуюся подлинной теоретической сенсацией для зарубежных теоретиков. Алехин немало и тренировался. Мы знаем его выступление в турнире московского шахматного кружка в конце 1915 г., в котором, кроме Алехина, играло одиннадцать сильнейших московских шахматистов. В этом турнире Алехин сделал только одну ничью, а остальные партии выиграл.

С большим успехом он сыграл и в турнире московских мастеров в начале 1918 г. и в чемпионате Москвы 1919 г., проведя оба турнира без поражений, а в последнем вообще выиграв все партии.

Наконец, в первом советском чемпионате, называвшемся шахматной олимпиадой Всевобуча, состоявшемся в 1920 г., Алехин вновь без единого поражения блестяще завоевал первый приз и стал первым чемпионом советской страны. Кроме того, Алехин в послереволюционный период сыграл много тренировочных партий с русскими мастерами, а перед самым отъездом за границу усердно тренировался с ныне покойным московским шахматистом Н. Д. Григорьевым. В результате всего этого Алехин не только еще более повысил класс своей игры, но и стал сильнейшим шахматистом России, одним из сильнейших шахматистов мира.

Шахматный гений Алехина развился и окреп на родной земле, среди отечественных мастеров. За рубеж он выехал во всеоружии своего блестящего дарования и техническо-теоретической подготовки.

В Европе тогда был расцвет шахматной жизни, сменивший застой военных лет. В Советской же России, измученной годами мировой и гражданской войн, интервенцией и разрухой, организованная шахматная жизнь еще не была налажена. Советское государство тогда еще не имело возможности уделить большого внимания шахматному движению, а прежние дореволюционные формы организации шахматного спорта оказались несостоятельными. Молодые советские шахматисты, ныне составляющие авангард мировой шахматной культуры, еще не выросли, а дореволюционных мастеров и шахматистов соответствующего класса можно было пересчитать по пальцам. Это были Романовский, Дуз-Хотимирский, Левенфиш, Григорьев, Верлин-

ский, Ненароков, А. Рабинович, И. Рабинович, Зубарев и Ильин-Женевский.

Некоторые мастера, до первой мировой войны представлявшие Россию на международных турнирах, стали белоэмигрантами или перебежали в другое подданство. Эти беспринципные профессионалы после окончания мировой войны вернулись на международную шахматную арену, но уже представляли не Россию, а другие страны.

За годы первой мировой войны в ряде зарубежных стран появились новые выдающиеся молодые мастера: чешский шахматист Рети, австриец Грюнфельд, голландец Эйве и др. И опытные гроссмейстеры и честолюбивая молодежь рвались в шахматные бои.

Шахматная жизнь в Западной и Центральной Европе тогда была ключом, чтобы потом под ударами экономического кризиса и общего распада буржуазной культуры сойти почти на нет.

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ ШАХМАТНОЙ АРЕНЕ В ПЕРИОД 1921—1924 гг.

Первое выступление Алехина за рубежом сложилось для него не очень удачно: он сыграл вничью в Берлине в июне 1921 г. матч из шести партий с известным немецким гроссмейстером Тейхманом. Однако следующие турнирные выступления Алехина показали шахматному миру подлинную могучую силу молодого чемпиона советской страны. Алехин в 1921 г. подряд занял первые места на международных турнирах в Триберге, Будапеште и Гааге, победив в них всех лучших шахматистов того времени, за исключением Капабланки и Ласкера, с которыми он в эти годы не встречался.

Шахматная общественность всего мира восторженно встретила успех молодого русского шахматиста, расценив Алехина как наиболее опасного конкурента чемпиону мира Капабланке.

Оценила значение побед Алехина и белогвардейская эмиграция Парижа и Берлина, для которой было бы большим политическим достижением отговорить его от возвращения в Москву.

Белоэмиграция стала играть на слабой струнке Алехина — бескрайнем шахматном честолюбии, на его стремлении к мировому первенству.

В результате всякого рода уговоров и страстного желания новых шахматных триумфов, опьяненный славой Алехин принял решение не возвращаться в Советскую Россию, совершив роковую политическую ошибку, в чем, как мы увидим, он позднее не раз раскаивался.

Алехин поселился в Париже и наряду с шахматными выступлениями возобновил занятия юриспруденцией. В 1923 г. в Сорбоннском университете он защитил диссертацию на звание доктора юридических наук и таким образом, помимо шахматной славы, создал себе приличное буржуазное реноме адвоката.

В эти годы Алехин устанавливает свои первые мировые рекорды в сеансах одновременной игры вслепую. Однако (возможно, в связи с юридическими занятиями) Алехина в период 1922—1924 гг. постигают и первые, — конечно очень относительные, — неудачи, показавшие ему необходимость дальнейшей серьезной работы над собой. На турнире в Пестье-не в апреле 1922 г. Алехин поделил лишь второй и третий призы (со Шпильманом), а на турнире в Лондоне в августе того же года, в котором впервые выступал после завоевания мирового первенства Капабланка, Алехин оказался позади него, заняв второе место, причем отстал на полтора очка, что было немалым ударом и по престижу и по честолюбивым мечтам Алехина. Их встреча не произвела хорошего впечатления в шахматном мире. Противники явно избегали обострения игры и, разменяв в течение получаса почти все фигуры, уже на 17-м ходу согласились на ничью. «А я, чтобы посмотреть эту бесцветную партию, проехал двести миль!» — раздалось в турнирном зале восклицание одного любителя, справедливо надеявшегося в этой встрече двух сильнейших шахматистов мира увидеть острую, напряженную, полноценную борьбу.

В 1923 г. Алехин разделил первые три места на крупном международном турнире в Карлсбаде, но проиграл в нем три партии, причем две — хотя и сильным, но все же не ведущим шахматистам — Ейтсу и Трейбалу.

Новая неудача постигла Алехина на турнире в Нью-Йорке в 1924 г., где участвовали Капабланка, Ласкер, Рети, Маршалл, Мароци и другие выдающиеся шахматисты. По условиям турнира участники играли между собой по две партии. Алехин занял третье место, позади Ласкера и Капабланки, причем самое неприятное было то, что от Ласкера он отстал на четыре очка, а от Капабланки — на два с половиной.

Результат нью-йоркского турнира временно изменил

мнение мировой шахматной общественности относительно претензий Алехина на мировое первенство. Претендентом на матч с Капабланкой стал снова считаться Ласкер, давно уже добивавшийся реванша, которого он все же так и не получил. Надо отметить, кстати, что единственное поражение в нью-йоркском турнире 1924 г. Ласкер, вообще находившийся в совершенно исключительной форме, потерпел именно от Капабланки. Неудача Алехина была тем более обидна, что перед этим турниром он специально провел пятимесячные гастроли в Соединенных Штатах и в Канаде, чтобы подготовить в американских шахматных кругах почву для организации матча на мировое первенство, а 29 ноября 1923 г. направил Капабланке официальное письмо о своем намерении вызвать его в 1924 г. на матч.

АЛЕХИН ГОТОВИТСЯ К БОРЬБЕ ЗА МИРОВОЕ ПЕРВЕНСТВО

Алехин сделал необходимые выводы из своих относительных неудач. В этом сказалась характернейшая черта Алехина, которая в течение сорока лет обеспечивала ему успех в борьбе против сильнейших шахматистов мира — его необыкновенная творческая самокритичность. Алехин всю жизнь неутомимо шлифовал свой талант, закалял волю, оттачивал свое теоретическое оружие, изучал своих противников, совершенствовал методы борьбы. Он никогда не успокаивался на достигнутом, а неуклонно шел вперед, одержимый мыслью о мировом первенстве.

Ласкер, очень внимательно следивший за творчеством своих соперников, так отзывался в 1924 г. об Алехине: «Алехин — это огромная проблема. Несомненно, он еще не закончил своего развития. Комбинации его — изумительны!». В другом своем высказывании, относящемся к тому же периоду, Ласкер развивает эту мысль: «Алехин вырос из комбинации, он влюблен в нее. Все стратегическое для него — только подготовка, почти что необходимое зло. Ошеломляющий удар, неожиданные тактические трюки — вот стихия Алехина. Когда король противника находится в безопасности, Алехин играет без воодушевления. Его фантазия воспламеняется при атаке на короля. Он предпочитает, чтобы на доске было много фигур. Алехин пользуется стратегией как средством для более высокой цели — для создания атакующей обстановки».

О своей работе и о тех выводах, которые Алехин сделал на основе нью-йоркского турнира, он интересно рассказал в своей книге «На пути к званию чемпиона мира». Приводим выдержку из нее:

«В 1924 г., — пишет Алехин, — мои перспективы сыграть матч на мировое первенство были еще очень неясны. Хотя я и послал вызов Капабланке, я еще не чувствовал в шахматном отношении себя вполне созревшим. Во многих областях, а особенно в отношении техники игры, Капабланка был еще сильнее меня, а среди его соперников Ласкер еще занимал первое место. Мысль об организации матча-реванша между ними, очень интересовавшая шахматный мир, являлась препятствием для моих планов. Поэтому мой вызов имел единственной целью закрепить мою кандидатуру на будущее. Капабланка отнесся к моим притязаниям корректно, но довольно холодно, и мне было ясно, что на осуществление матча с ним я в ближайшее время рассчитывать не могу. С тем большим старанием занялся я самосовершенствованием.

По окончании гастролей в Канаде и США, длившихся пять месяцев, в течение которых я исколесил всю Северную Америку, я принял участие в нью-йоркском турнире гроссмейстеров 1924 г. Он мне принес разочарование. Правда, я начал его в неблагоприятных условиях, так как переутомился, и в самом начале проиграл в плохом стиле Ласкеру. Впоследствии я взял себя в руки и в спортивном отношении добился приличного результата, заняв место сразу за Капабланкой и Ласкером, что подкрепило в принципе мои притязания на матч с Капабланкой. Однако я остался совершенно неудовлетворенным качеством своей игры. У меня создалось впечатление, что не только Ласкер и Капабланка, но и Рети выиграли больше хороших партий, чем я.

Тем не менее, я сделал на этом турнире одно очень утешительное наблюдение, явившееся для меня подлинным откровением. Именно: хотя в первой нашей встрече Капабланка переиграл меня в дебюте, добился в середине партии выигрышного положения и сохранил значительную часть достигнутого преимущества в ладейном окончании, он все же, в конце концов, выпустил из рук победу и должен был удовольствоваться ничьей (см. партию № 99). Это наводило на размышления, особенно, если учесть, что Капабланка очень хотел выиграть эту партию, стремясь нагнать Ласкера, который шел во главе турнира и как раз накануне выиграл у меня. Я был убежден, что будь я на месте Капабланки, я непременно добился бы победы. Словом, я подметил в игре Капабланки маленькую слабость: возрастание неуверенности в случае упорного сопротивления! Я уже раньше обнаружил, что Капабланка время от времени допускает маленькие неточности, но я не подозревал, что от этого недостатка он не может освободиться даже при полном напряжении всех своих сил. Это было необычайно важным открытием для будущего!

Вернувшись из Америки, конец 1924 года я посвятил литературной работе над сборником партий нью-йоркского турнира. С особенным интересом углубился я в изучение стиля Ласкера и Капабланки, что очень расширило мой опыт и позволило сделать ценные наблюдения...

Следующий, 1925, год начался для меня рядом соревнований. После моего рекордного сеанса вслепую на 28 досках в Париже вскоре там же был организован маленький турнир при пяти участниках. По сравнению с

турниром в Нью-Йорке я играл очень легко, все казалось мне простым и естественным, планы рождались сами собою и проводились без всякого напряжения. Я занял первое место без единого проигрыша.

За этим последовала поездка в Берн. Я там сыграл шесть партий и, несмотря на проигрыш швейцарскому мастеру Мишелю, все же вышел на первое место.

Затем состоялся баден-баденский турнир (апрель — май). В нем преимущество над противниками мне дало, главным образом, полное использование их дебютных промахов, а также точная игра в эндшпиле.

Борьба в этом турнире и результаты его показали мне, что я был сильнее всех остальных мастеров, принимавших в нем участие. Тогда передо мною стал вопрос: в чем я еще уступал Капабланке? Внимательно подумав, я должен был беспристрастно ответить себе так: я еще не освободился от двух следующих недостатков. Первый состоял в чрезмерной догматичности моей игры, а именно — в стремлении обязательно и полностью использовать небольшие достигнутые преимущества, что лишило мою игру должной эластичности. Второй недостаток заключался в несовершенной еще технике игры при переходе из середины партии к наиболее выгодному окончанию. Но с точки зрения о б щ е й техники игры и ее методичности, я уже тогда чувствовал себя вполне равным по силе Капабланке».

Надо сказать, что вся эта алехинская самооценка не только объективна и самокритична, но и чрезвычайно скромна. Баден-баденский турнир 1925 г. вошел в шахматную историю как одно из крупнейших соревнований. В числе его двадцати одного участника были, за исключением Ласкера и Капабланки, буквально все сильнейшие шахматисты того времени как среднего, так и молодого поколения. Кроме Алехина, там играли Рубинштейн, Шпильман, Маршалл, Тарраш, Рети, Нимцович, Боголюбов, Грюнфельд, Ейтс, Трейбал, Колле, Томас, Мизес и другие, а также советский мастер И. Рабинович.

Из двадцати партий Алехин выиграл двенадцать и восемь свел вничью.

Об огромном впечатлении, произведенном этой победой Алехина на шахматный мир, о полной состоятельности претензий Алехина на мировое первенство можно судить по следующим интересным выдержкам из статьи чемпиона Германии Тарраша.

«Из двадцати партий баден-баденского турнира, — писал Тарраш, — Алехин не проиграл ни одной и одержал двенадцать побед. Этим он выказал изумительную выдержку, которая заслуживает тем большего признания, что ни в одной партии у него не было даже худшего положения. Его победа в этом большом и чрезвычайно сильном по составу турнире должна быть отнесена к числу наиболее блестящих, которые когда-либо были одержаны, и она доказывает, что у Алехина есть все основания для борьбы за мировое первенство...»

«Из ряда других молодых гроссмейстеров,— продолжает Тарраш,— Алехина выделяет ровность успехов. Ни в одном турнире он не терпел неудач, хотя в Лондоне в 1922 г. оказался ниже Капабланки, а в Нью-Йорке в 1924 г. — ниже Ласкера и Капабланки. Сравнение партий чемпиона мира Капабланки, иггранных в Нью-Йорке, с баден-баденскими партиями Алехина с точки зрения стратегической тонкости, безошибочности игры и основательности ведения атаки, несомненно, в пользу Алехина. Во всяком случае, для чемпиона мира Капабланки вырос страшный соперник, усиливающийся из года в год, и едва ли долго Капабланке удастся баррикадироваться от матча с Алехиным золотым валом из 10 000 долларов» *.

Блестящая победа Алехина и явное желание Капабланки уклониться от матча-реванша с Ласкером, с которым он был в плохих отношениях, повели к тому, что переговоры о матче на мировое первенство стали развиваться между Капабланкой и Алехиным гораздо успешнее. К тому же Капабланка и Алехин в очередных своих турнирных выступлениях потерпели относительные неудачи. В московском международном турнире 1925 г. Капабланке не удалось занять первого места, и он удовольствовался лишь третьим призом, проиграв две партии, причем обе — советским шахматистам: Ильину - Жевневскому и Верлинскому. Алехин же в 1926 г., выступив на сильном по составу турнире в Земмеринге, начал его с двух поражений, что явилось своего рода сенсацией. Правда,

* Под «золотым валом» Тарраш подразумевал требуемый Капабланкой гонорар за участие в матче и вообще финансовый фонд всего соревнования, которые, согласно тогдашним ненормальным условиям обязан был обеспечить сам претендент на мировое шахматное первенство, выключивая необходимые для проведения матча средства у буржуазных меценатов. Интересно, что Международная шахматная федерация в довоенный период никак не могла повлиять на чемпиона мира в смысле снижения его финансовых требований или в смысле согласия его на матч с тем или иным противником в тот или иной срок. Все это позволяло чемпиону мира под предлогом финансовой необходимости матча годами уклоняться от встреч с опасными соперниками. Так, Ласкер в первые десятилетия своего чемпионства уклонился от матчей с Чигоринным, с Пильсберни, с Рубинштейном; Капабланка после победы над Ласкером вообще не сыграл ни одного матча до встречи с Алехиным. Такой порядок розыгрыша личного мирового первенства тормозил развитие мирового шахматного искусства.

Только начиная с 1947 г., после вступления советской шахматной организации в Международную шахматную федерацию (ФИДЕ), вопрос о матчах на звание чемпиона мира, по инициативе советских шахматистов, был разрешен объективно и справедливо, открыв дорогу любому молодому дарованию любой страны мира. Теперь чемпион мира о б я з а н раз в три года встречаться в матче с претендентом на мировое первенство (а этот претендент выявляется в ряде национальных и международных отборочных соревнований) и вовсе не должен заботиться об обеспечении финансовой стороны матча, проводимого самой ФИДЕ.— В. П.